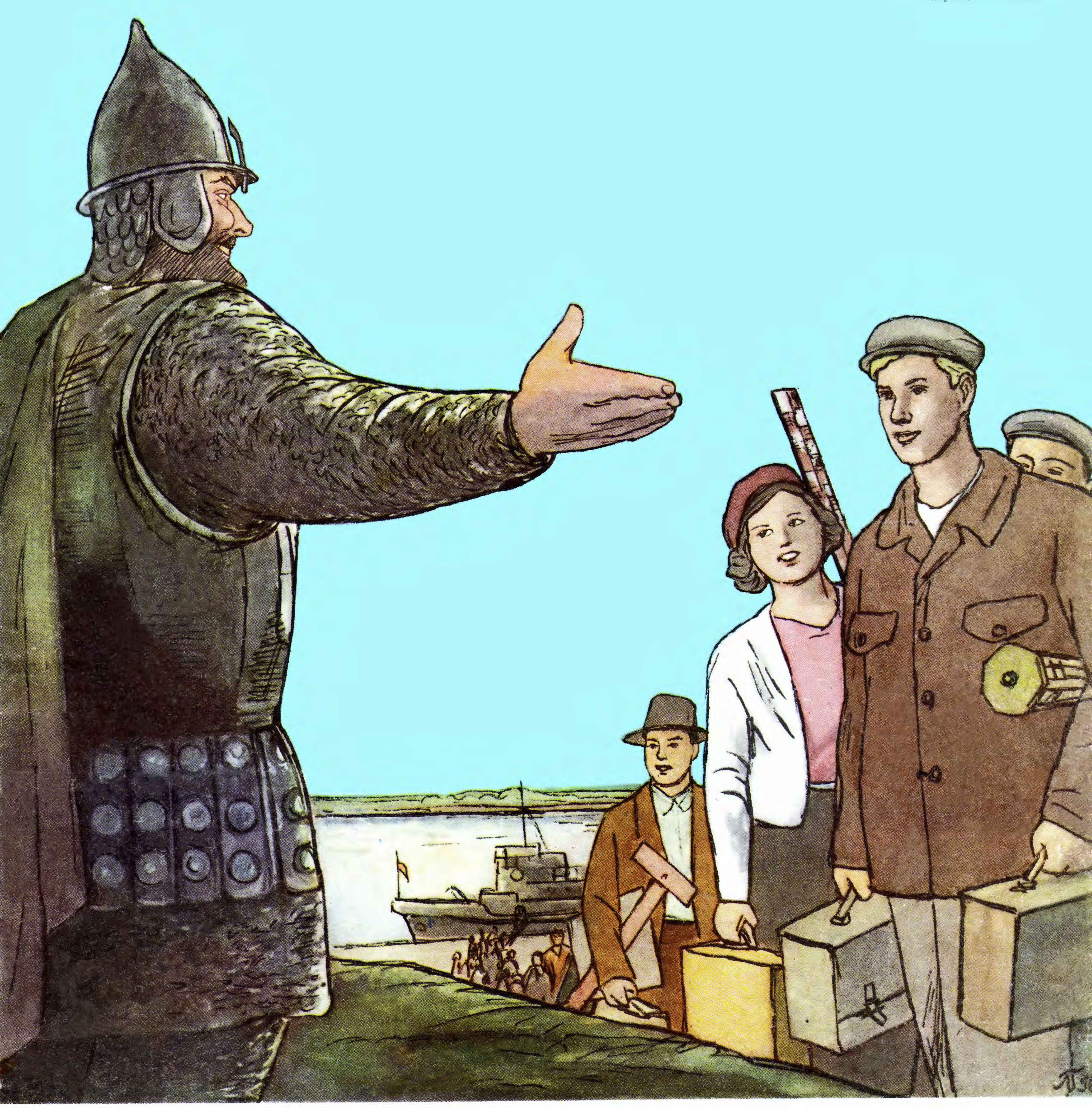
Рисунок Л. ГЕНЧА.

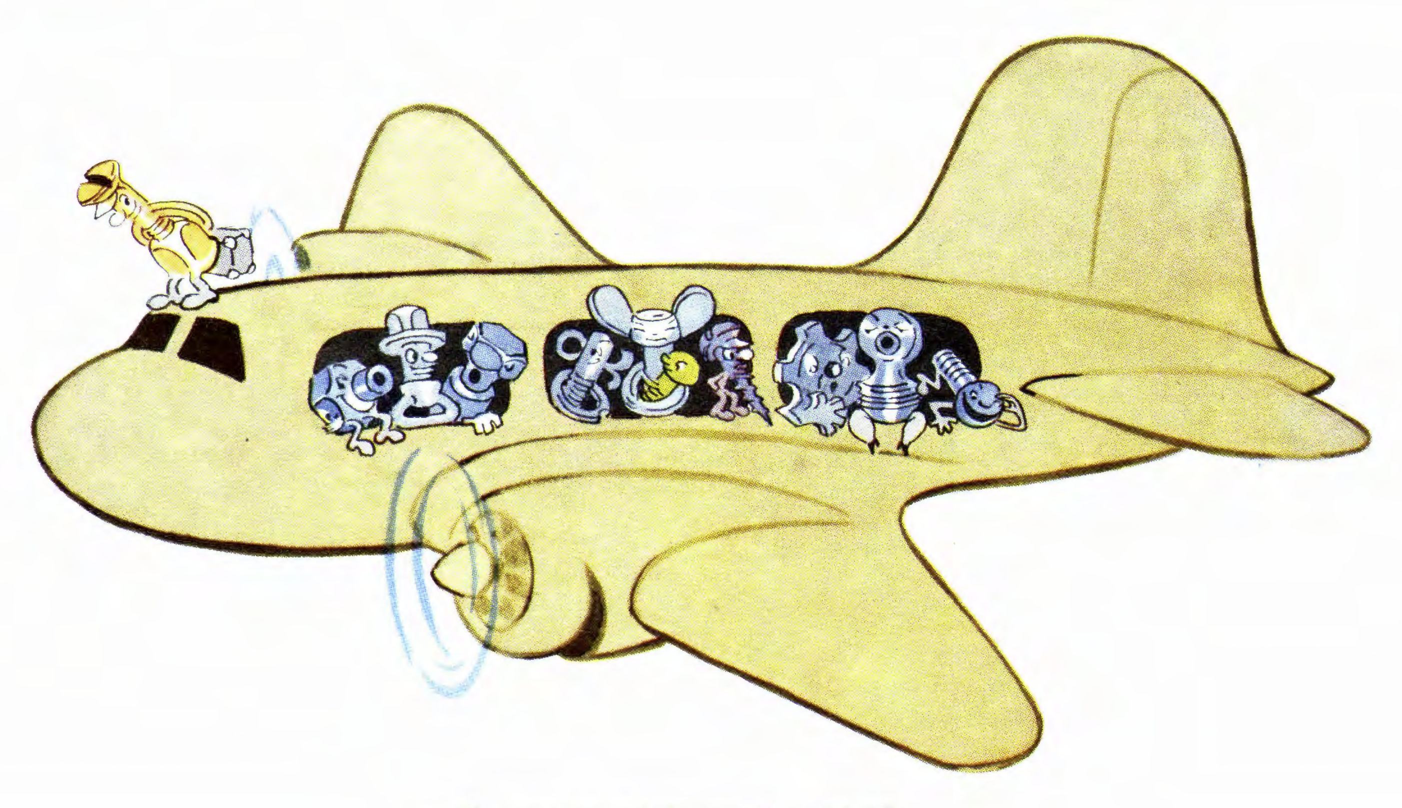
ЕРМАК: — Привет молодым покорителям Сибири!

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 17 20 ИЮНЯ (1451) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок М. БИТНОГО.

Заводы-потребители из-за неритмичной работы заводов-поставщиков вынуждены доставлять детали на самолётах.

— Как твоя себестоимость, винтик!
— Всё взвинчивается!

СОСУЛЬКИ

Минувшей зимой в тресте «Краснодонуголь» случилось чрезвычайное происшествие: в один февральский день нежданно-негаданно остановилась шахта № 179. Остановилась потому, что у неё не хватило духу выйти победительницей в единоборстве с дедом Морозом. Седой воевода сковал её так крепко, что шахта два месяца простояла недвижимой.

В Краснодоне к этому прискорбному случаю отнеслись по-разному. Одни говорили, что руководители шахты и треста не оказали должных почестей Морозу, совсем не подготовились к его встрече, чем и накликали на себя гнев старика. Другие этот случай расценивали по-иному:

— Всего, что шахта добывала, ей не хватало для собственного обогрева.

Последнее утверждение казалось просто невероятным. Шахта была ещё совсем молодая (только в августе прошлого года вступила в строй) и довольно сильная (150 тысяч тонн угля в год, или 420 тонн в сутки). Поэтому было странным, что из 420 тонн шахта не могла выкроить небольшую толику уголька для собственного обогрева.

Краснодонские товарищи настойчиво уверяли, что дело обстоит именно так.

— Вы посудите,— говорили они,— за первые шесть месяцев работы шахта давала в среднем только три процента плановой добычи. Где уж тут думать об интересах государства! Самим бы в сосульку не превратиться!..

Недавно мы посетили главного инженера треста «Краснодонуголь» Алексея Петровича Гриднева с тем, чтобы выразить ему наше сочувствие по поводу трагической зимовки, а заодно узнать о причинах такой не совсем обычной работы шахты № 179.

— Во всем геология виновата,— сокрушённо ответил Алексей Петрович.— Разведчики нас подвели. Пласты оказались непригодными для работы.

Так ли это? Начальник Краснодонской геологоразведочной партии И. Г. Шкуренко решительно отверг претензию главного инженера треста «Краснодонуголь».

— Геология как геология,— ответил начальник партии.— Тут она вся такая. Просто работать, как надо, не хотят.

Выражение «не хотят, как надо, работать» здесь приходится слышать довольно часто. И совсем не слышно самокритического признания: «Я не так работаю, как надо». Обычно, если человек работает плохо, вместо признания и исправления недоработок он пускает в ход отговорки и ссылки. Ссылается на всё, что взбредёт в голову: на солнечные пятна, на тесноту в автобусе, на отсутствие в продаже детских фланелевых распашонок.

Инженер А. П. Гриднев, к его чести, не винил в плохой работе шахты торговые организации за бедный ассортимент товаров. Он был более скромен. Когда выяснилось, что геология как геология, что она не так уж хороша, но и не чересчур плоха, Алексей Петрович выдвинул новый аргумент:

— Зима-то, помните, какая была? Это не зима, а сплошное наказание!

— Зима для всех была нелёгкой,— возразили ему.

Но он не смутился:

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

— За других не ручаемся. А что касается шахты № 179, там поставлены плохие калориферы.

— Кто их ставил?

— Мы сами. Но видите ли...

Далее следовало несколько «видите ли», «понимаете ли», которые, по мысли тов. Гриднева, должны были оправдать плохую работу шахты.

— А в чём же всё-таки истинные причины?

— Горняки не проявляют особого желания работать на этой шахте.

Правда, мнение горняков почему-то не совпало с утверждением главного инженера треста.

— В тресте все уверяют, что шахта плохая,— заявили горняки,— и отношение к ней, как к плохой. А она может хорошо работать. Её сделали падчерицей шахтоуправления № 1—4. Инструменты и материалы мачеха даёт нам в последнюю очередь. Если начальник шахтоуправления желает кого-либо припугнуть, он грозит: «Вот пошлю тебя на сто семьдесят девятую, тогда узнаешь кузькину мать!».

Так при помощи всяких «видите ли» и «понимаете ли» руководители треста «Краснодонуголь» заморозили шахту и в прямом и в переносном смысле, превратив её в своеобразную сосульку.

С наступлением тёплых дней на шахте появилась капель, иногда она даёт четыре — пять процентов суточного плана. Но сосулька так и осталась сосулькой. Причём очень дорогой: её строительство обошлось государству в 20 миллионов рублей...

Теперь из Краснодона переберёмся ближе к Кадиевке. Заглянем на шахту Родаково-Юрьевскую. Это тоже молодая шахта. В апреле 1954 года она была введена в строй действующих гигантов угля. Массивные ворота с эмблемой — перекрещенными молотками, машинные отделения, эстакада, бытовой комбинат с душевыми, раздевалками и прочими удобствами — всё ласкает и радует глаз!

Красавица, а не шахта! Да и как ей не быть красавицей, если на её строительство ушло свыше 50 миллионов рублей?! За такие деньги можно стать красавицей. Ведь те, кто её строил, говорили:

— Тысячу двести тонн коксующегося уголька будет давать каждый день! Это вам не фунт изюму!

Но не ищите на шахте признаков жизни. Её тут нет. Шахта напоминает собой сказочное спящее царство. Мощные подъёмные машины стоят недвижимы. В нарядной не толпятся шахтёры с глазом-лампочкой на фуражке. Не свистят паровозы, увозящие добытый уголь.

Шахта мертва.

Работала она всего пять месяцев. Действовали в ней только две лавы, с которых в общей сложности брали 25 тонн. Прошли в этих лавах по 40 метров и вдруг обнаружили, что уголь пропал. Образовался, как говорят шахтёры, сброс. Это значит, что пласт надо искать где-то выше или ниже. А кому охота заниматься таким канительным делом? Махнули на всю эту затею рукой, рабочих рассовали по другим шахтам, а Родаково-Юрьевскую, как нам заявили, «поставили на сухую консервацию».

С тех пор на её копрах прочно обосновались воробьиные выводки, подъездные пути заросли лопухами, а оборудование перекочёвывает в неизвестном направлении.

Мы попытались уточнить, кто же отвечает за шахту. Это оказалось делом нелёгким. Было много организаций и отдельных лиц, которым в своё время подчинялась шахта. Но в системе Министерства угольной промышленности организации долго не живут без перестройки, а руководители не сидят на одном месте. Поэтому виновников просто не оказалось.

Правда, на шахте мы нашли её теперешнего начальника, точнее, хранителя, тов. И. А. Степанова и 38 рабочих. На их содержание ежемесячно уходит свыше 30 тысяч рублей.

— Чем же вы занимаетесь? — спросили мы тов. Степанова.

— Грибы собираем.

— Значит, промышляете заготовкой шампиньонов, сыроежек и опят?

— Какие там опята! Грибок с деревянных креплений счищаем! Ведь шахта с каждым годом всё более и более приходит в упадок...

В Ворошиловграде один банковский работник сказал:

— По всему видать, в Министерстве угольной промышленности СССР денег не считают.

С этим нельзя не согласиться. Иначе чем же объяснить, что министерство с необыкновенной лёгкостью превращает миллионы рублей в сосульки?

И. КОСТЮКОВ

г. Ворошиловград.

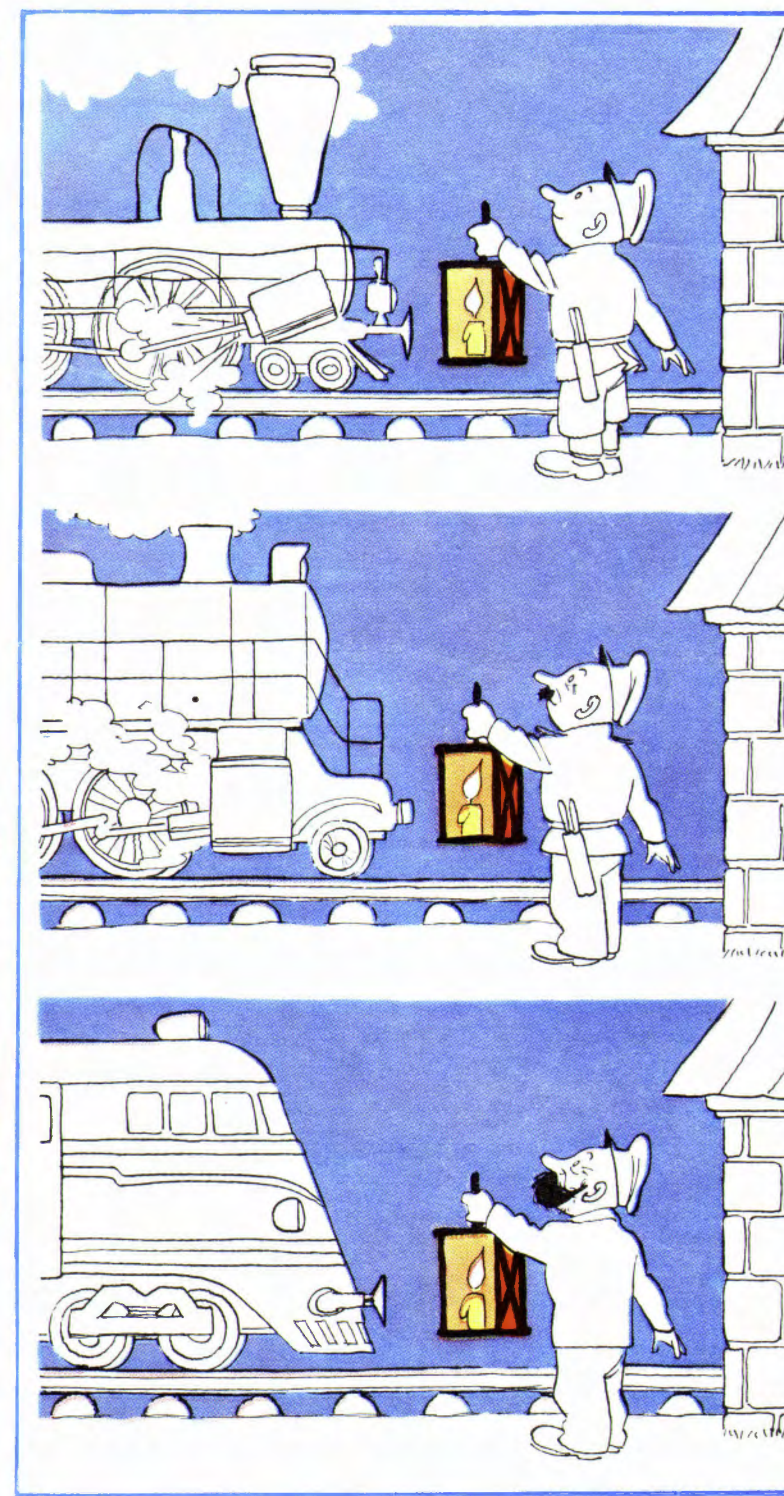
И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Поэтическая натура

Творенья классиков-поэтов
Она любила с детских лет.
И стал мечтой
девицы этой
Литературный факультет.
Определившись на ученье
В том городе,
где так манит
«Невы державное теченье,
Береговой её гранит»,
Она товарищам своим
Твердила:
—Школа — наша нива.
Друзья, «отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»
Отрадою нам будет труд,
Любое назначенье свято...
Пускай вручат диплом и шлют
«В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов»!
Диплом вручён...
Но русло чувств
Переменило направленье.
Срываться чаще стало с уст:
«Люблю тебя Петра творенье»!
Когда ж настал отъезда срок,
Явившись в деканат с путёвкой,
Она,
потупившись неловко,
Сказала, теребя листок:
— Все назначения равны...
Но вот... Вы можете представить...
«Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить...»
Нашелся в вузе добрый дядя —
Она осталась в Ленинграде.
«Быть может, на брегах Невы
Подобных дам видали вы».

К ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Мой старый друг, фонарик мой!..

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Рисунок К. РОТОВА.

— А как же свиньи залезают на дерево!
— Понятия не имею. Я слышал только, что они питаются желудями.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ЗАВЕРЕННАЯ МИСТИКА

Что может делать человек после своей смерти? На этот, казалось бы, наивный вопрос исчерпывающий ответ даёт следующий официальный документ:

«Гражданин З. рождения 1909 г. работал в Калининградском Морском порту с апреля месяца 1950 г. по апрель мес. 1955 г. в должности бригадира бригады плотников и плотником 7 разряда и с сентября 1955 г. по день смерти также работал плотником...»

Далее, считая себя нисколько не связанным этим печальным фактом, автор справки категорически утверждает:

«...а затем работал бригадиром бригады плотников, временно откомандированных в СМКО-83».

Чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений, тут же подтверждается, что «данные взяты из картотеки». И вся эта мистика скреплена подписью тов. Пасечного, исполняющего обязанности начальника отдела кадров порта. Попробуйте-ка теперь не поверить!

НЕСОГЛАСОВАННЫЕ БОЛЕЗНИ

— Вот какой юмористический случай,— сказал доктор. — У вас, товарищ Крокодил, катаральное состояние верхних дыхательных путей. Ну, ничего, мы это в два счёта... Сейчас я вам рецептики выпишу.

И, вручив мне аккуратные бумажки, написанные на звучном языке Юлия Цезаря, он научно-популярно объяснил:

— Перед сном — горчичник на грудь. Три раза в день по таблетке — норсульфазол и кодеин с содой. Утром и вечером пускать в нос по две капли эфедрина. Всё!

Так началось моё знакомство с фармацевтической отраслью медицины — этой гуманнейшей из наук...

НЕДОБРОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

У входа в ближайшую аптеку меня остановил гражданин, лицо которого отражало глубокую удручённость.

— Здравствуйте,— сказал он. — Какая приятная встреча!

Пока мы обменивались рукопожатием, я мучительно пытался вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах...

— Не трудитесь,— вздохнул незнакомец, угадав мои мысли. — Вы меня не знаете. Я рядовой желудочник. С периферии.

— Простите... Как вы сказали? Товарищ Желудочкин?

— Да нет, просто желудочник. Бывают ещё почечники, печёночники, диабетики, а я желудочник. Вот хожу, мыкаюсь, никак не могу просветиться для точного диагноза.

— Понимаю,— сказал я. — У вас там, на периферии, рентгеновских кабинетов не хватает?

— Наоборот! — раздражённо воскликнул мой собеседник. — Эти кабинеты растут, как грибы. За последние два года наша промышленность выпустила сотни новых рентгеновских аппаратов!

— Не понимаю,— сказал я. — Это же очень хорошо! Растущая медицинская техника...

Мой собеседник уныло махнул рукой:

— Э, батенька, с этой техникой каши не сваришь!

— ???

— Я говорю о каше из бария, которую пациент должен глотать во время просвечивания. Тут, дорогой Крокодил, трагическая неувязка: можешь ты себе представить, чтобы производство бария отставало от производства рентгеновской аппаратуры?!

Он помолчал и переступил с ноги на ногу.

— Что ж, пойду ещё поразведаю. Хотя навряд ли... Мне говорили, что даже в аптеке знаменитой московской больницы имени Боткина происходят перебои с этим окаянным барием.

Через несколько секунд фигура непросвеченного желудочника скрылась за углом. Я мысленно послал ему вслед пожелание успеха и вошёл в аптеку...

ДНЁМ С ОГНЁМ

Народу в аптеке было немного. Приятно пахло валерьянкой и ещё чем-то умиротворяющим. Старый, лысый фармацевт в белом халате бережно устанавливал на прилавке рукописную табличку «Ваты нет». Перед ним стоял мужчина эффектной артистической наружности.

— Поймите же, голубчик,— жалобно гудел он. — Мне как музыкальному критику с затяжным бронхитом кодеин особенно необходим! От моего пушечного кашля все исполнители и слушатели на концертах приходят в бешенство!

Фармацевт щурил добрые близорукие глаза и сочувственно качал головой. Когда очередь дошла до меня, он, бегло взглянув на мои рецепты, сказал скороговоркой:

— За норсульфазол уплатите в кассу, горчичников нет, кодеина, как вы уже слышали, нет, эфедрина... Марья Петровна-а-а! Как у нас с эфедрином?

— О господи! — послышался стонущий голос из рецептурного отделения. — Я вам уже сорок раз говорила, что фондов на эфедрин нам во втором квартале вообще не запланировали!

Вкусив горечь первой неудачи, продолжаю моё путешествие. Мелькают аптечные прилавки и полки, переливаются всеми цветами радуги обольстительные банки, склянки, этикетки. Но во всём этом внушительном ассортименте то тут, то там обнаруживаются досадные изъяны. И длинной, унылой вереницей проходят передо мной искатели натурального желудочного сока, незадачливые охотники за уроданом и глюкозой, иногородние ходоки за синтомицином и мозольной жидкостью и другие скорбящие.

Впрочем, что же это я впадаю в лирику? Надо действовать! Надо собрать наши коллективные жалобы и вознести их... Куда вознести? Ничего не поделаешь, придётся совершить восхождение на фармацевтический Олимп...

МЕНЯЕМСЯ РОЛЯМИ

В таком походе обязательно бывают всякие неожиданности. По пути в Мосгорaптекоуправление мне представлялось, что всё заранее предопределено логикой событий: я буду излагать наши жалобы, а начальник управления Георгий Иванович Пархоменко будет записывать их и время от времени подавать какие-нибудь самокритичные реплики: дескать, да, вот это мы недоучли, но теперь учтём; а тут мы допустили нераспорядительность, но теперь распорядимся... И так далее.

Однако всё обернулось шиворот-навыворот. Записываю я, а жалуется... Георгий Иванович: и в том ему отказывают, и этим недоснабжают... Что ты будешь делать!

Ясно: надо подыматься выше, в ГАПУ — Главное аптечное управление Минздрава РСФСР. Уж придётся начальнику ГАПУ Михаилу Савельевичу Кислову поработать пером, записывая совместные жалобы Крокодила и Мосгораптекоуправления!

И вот перо уже в работе. Записываю я, а жалуется... Михаил Савельевич: и то ему лимитируют, и другое ему недофондируют... Ох, эти поставщики!

Ну, что ж, посмотрим, что скажет поставщик — Главхимфармпром Министерства здравоохранения Союза. Умудрённый опытом, раскрываю блокнот, чтобы ко всем предыдущим претензиям присовокупить предстоящие жалобы начальника главка Александра Григорьевича Натрадзе. Но... какая неожиданность! Александр Григорьевич, видимо, и не думает жаловаться.

— Ничего, работаем помаленьку,— бодро говорит он. — Вот за прошлый год по всем видам продукции план перевыполнили. А это — обратите внимание — цифры роста нашей продукции с 1954 года...

Ах, какие приятные цифры! Прямо не цифры, а конфетки! Но почему же, в таком случае, не хватает то одних, то других аптекарских товаров?

— Как же вы не понимаете! — укоризненно говорит Александр Григорьевич. — Медицинская помощь населению расширяется, культура развивается, спрос на медикаменты соответственно растёт.

Ничего не скажешь: тонко подмечено! Но всё-таки нельзя ли к соответственно растущему спросу подтянуть несоответственно отстающее предложение?

При этих словах начальник главка внезапно загрустил. И я не успел опомниться, как из его уст полились горькие жалобы в адрес... других министерств.

В общем, передо мной открылась новая блестящая возможность: выяснять до бесконечности, на что, в свою очередь, будут жаловаться в министерствах химической промышленности, продовольственных товаров и в других, которые недодают Главхимфармпрому необходимое сырьё для медикаментов...

КАК НИ СТРАННО...

Шумит, гудит междуведомственная переписка: поставки, недопоставки, хлористый кальций, маисовый сахар, уксусный ангидрид... Ах, сколько всяких сложностей с этой «сырьевой проблемой»!.. Но неужто земля наша оскудела ромашкой, сушеницей, ландышем и тому подобными лекарственными растениями? Нет, конечно, земля не оскудела. Но с некоторых пор лекарственных растений в аптеках сильно поубавилось — с тех пор, как четыре года назад ликвидировали специальную контору по заготовке этой продукции при Главном аптечном управлении Минздрава РСФСР. Судя по той памяти, которую она оставила, ей следовало бы посвятить примерно такую эпитафию:

«Дорогая покойница, ты не даром ела свой хлеб. При скромном штате в 60 человек, включая периферию, ты ежегодно заготовляла до 1 200 тонн лекарственных растений. Твоей продукции хватало даже на экспорт; твоими запасами осиротевшая аптечная сеть прожила весь 1953 год; и она не единожды поминала тебя в 1954-м, когда новый поставщик — Центросоюз — «обеспечил» её лекарственными растениями только на 25 процентов...»

...Однако пора кончать путешествие: я всё-таки на правах больного. А кроме того, вопрос уже совершенно ясен: во всём виноваты мы сами, клиенты аптек. Мы болеем без всякого плана, когда и чем вздумается; болеем, абсолютно не считаясь ни с сырьём, ни с квартальными фондами на медикаменты, которые Главхимфармпром зачастую выделяет по принципу: разом пусто, разом густо. Нет того, чтобы болеть организованно и согласованно!

Так, продолжая самокритику, я достал свой аптекарский трофей, положил на язык таблетку норсульфазола и торжественно поднял стакан с водой: за здоровье Министерства здравоохранения!

А неиспользованные рецепты спрятал в архив. Они мне будут дороги как память...

Записал со слов Крокодила
М. ЛЬВОВ.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Ужасно устал наш сынок! Всё время танцы, рестораны, пикники...
— Вот путёвка в санаторий, пусть отдохнёт.

В. САПАРИН

Звонок

Когда один учрежденческий телефон обслуживает две комнаты, а звонок, соединяющий их, испортился, возникает некоторое неудобство. Инженеру Петрову скоро надоело дубасить кулаком в стену и кричать: «Марья Ивановна, возьмите трубку!»

Встретив коменданта в коридоре, когда он, важный и величественный, совершал обход помещений, Петров сообщил:

— У нас испортился звонок.

— Ага! — Комендант остановился. — Начали портить звонки... — сказал он многозначительно. — Ну что ж, я приму меры!

Через три дня состоялся новый разговор с комендантом:

— Вы обещали принять меры.

— Я их и принял,— последовал ответ.— Провёл беседы с сотрудниками на всех этажах. Ни одной жалобы больше не поступало. Перестали портить звонки. А насчёт ремонта нужно сказать Скакалкину.

— Вы ему сказали?

— Скакалкин,— ответил комендант таким тоном, как если бы речь шла о суверенитете и независимости государства, во внутренние дела которого он не считал себя вправе вмешиваться,— находится в системе телефонной станции.

— А кто заведует телефонной станцией?

— Скакалкин и заведует.

Скакалкин — заведующий коммутатором, он же монтёр — явился по вызову немедленно. Он очень быстро установил, что звонок перегорел и его надо сменить.

— А это долго?

— Пять минут.

В первые дни после его ухода Петров продолжал стучать в стену кулаком, но он ощутил твёрдое сопротивление камня. Дом был старый, стена массивная и глухая, а человеческий кулак — слишком мягкий. Тогда инженер додумался приспособить мраморное пресс-папье. Дело пошло лучше, но пресс-папье было тяжело держать в руках, а со стены стала осыпаться штукатурка.

Петров вышел из терпения.

— Послушай, друг,— набросился он на лихо мчавшегося по коридору Скакалкина, обвешанного мотками проводов,— ты что же нас со звонком за нос водишь?

— Я? — обиделся Скакалкин.— Да я в тот же день заявку на звонок подал! Нет на складе.

Петров почувствовал себя беспомощным. Никогда до этого он не задумывался над тем, как сложен внутренний мир учреждения, в котором он работал.

— Что вы мучаетесь-то? — сказала уборщица тётя Паша. — Вам надо идти к «самому»!

— По такому делу? Что вы, тётя Паша! Человек руководит огромным ведомством. Государственные дела решает.

— Ну, тогда к Сергею Аверьянычу. К заместителю.

— Тётя Паша,— начал просвещать старую уборщицу Петров,— ведь Сергей Аверьянович занимается строительством миллионных объектов. А тут... копеечный вопрос.

— К Сергею Аверьянычу — это уж беспременно,— стояла на своём тётя Паша.

Петров махнул рукой и пошёл в отдел снабжения.

— Вы говорили: заявка? — переспросил начальник снабжения. — Одну минуту. Павел Игнатьевич, будьте любезны, папку заявок. Так, так... Есть тут такая заявочка! Гм, всего-навсего на один звонок... Не будем же мы входить в главснаб с каким-то там звонком! Накопится заявок достаточное количество, мы суммируем потребности и выпишем сразу партию.

— А какое количество заявок вы считаете достаточным?

— Ну, сотню. Полсотни, наконец.

— Значит, мы должны ждать, пока перегорит ещё несколько десятков звонков? Когда же это будет? Ведь звонки долговечны.

— Можно ещё сделать так,— нашёл выход из положения собеседник. — Потерпите до конца года. А когда мы будем составлять общую заявку на материально-техническое снабжение на будущий год, мы предусмотрим там пятьдесят звонков. И первый же звонок дадим вам.

«Вот возьму и пойду к Сергею Аверьяновичу,— сердито думал Петров, шагая по длинным учрежденческим коридорам. — Нарочно!»

И, набравшись духу, Петров пошёл к Сергею Аверьяновичу.

Сергей Аверьянович нисколько не удивился ничтожности просьбы.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Катюша,— сказал он, вызвав звонком секретаршу,— покличь-ка Тышкевича. Где-то он тут в коридоре мелькал.

Вошёл Тышкевич, молодой агент по снабжению.

— Вот что,— сказал Сергей Аверьянович, и на мгновение Петрову показалось, что перед ним сидит самый обыкновенный комендант здания, а не заместитель начальника большого ведомства,— купи сегодня же звонок и передай Скакалкину. Подотчётные деньги есть? Вот и действуй. Потом через склад оформишь.

— Один миг. В магазине за углом звонков сколько хочешь...

— Что же отдел снабжения так долго канителил, если это такая простая вещь? — сказал Петров Тышкевичу, когда они вышли из кабинета Сергея Аверьяновича.

— А что же вы сразу к Сергею Аверьяновичу не обратились? — возразил тот.

— Да почему же непременно к Сергею Аверьяновичу?

Тышкевич пожал плечами.

— В отдел снабжения много заявок поступает. Все просят. Нельзя же всем давать! Бывает, и зря некоторые требуют. Потом одни дела срочные, а другие и подождать могут. Надо разбираться!

— Вот вы и разбирались бы.

— Я человек маленький. Мне что скажут, я то и делаю.

— Так у вас в отделе снабжения сколько людей! Все маленькие, что ли?

Тышкевич снова пожал плечами.

— Странно вы рассуждаете. Ну, я побежал...

«Теперь понятно, почему у нас к начальству иной раз не пробьёшься, а важное дело, случается, ждёт решения больше, чем следовало бы,— размышлял Петров.— Если первый заместитель управляющего всем ведомством должен сам заниматься звонком, то когда же ему думать по-настоящему над теми большими делами, ради которых он, собственно, и существует? Как он вообще выполняет свои обязанности, надо ещё удивляться!»

Петров зашёл по дороге в техническую библиотеку, а когда вернулся к себе, в отдел новой техники, звонок уже был поставлен.

К Петрову подошёл сотрудник отдела Фёдор Иванович.

— Тут вот предложение одно интересное поступило,— сказал он,— насчёт упаковки. Понимаете, предлагают упаковывать совсем по-новому: гвоздей идёт меньше, дерева тоже, а товар сохраняется гораздо лучше. Посмотрел, знаете, я на эту штуку и не могу отделаться от мысли: какая же это глупость — упаковывать товар так, как его до сих пор упаковывали! Очень способные ребята, остроумно как придумали! Я тут все материалы приготовил.

— Ну что ж,— сказал по привычке Петров,— на той неделе, во вторник, я буду у начальника управления по разным накопившимся вопросам, заодно доложу и об этом. Попрошу включить в перечень интересных предложений, поступивших за месяц,— это для коллегии, что в конце каждого месяца бывает. Я сам на коллегию не хожу, так это дело мы попросим прокрутить товарища...

Но тут взгляд Петрова упал на стену, в которую он стучал много раз, глухую каменную стену, хранившую вмятины от ударов медной ручкой пресс-папье.

И, озлившись на самого себя, он вдруг закричал на Фёдора Ивановича:

— Да что вы пристаёте ко мне со всякой ерундой? Вы старый, опытный инженер. А дело такое простое, что в нём тётя Паша разберётся. Что же мы будем тут волокиту разводить, до коллегии откладывать, а там, глядишь, из-за перегруженности повестки оно в это заседание не попадёт, жди ещё месяц! Да за это время сколько гвоздей можно сэкономить и товара сберечь, который портится при старой упаковке! Садитесь и напишите всем фабрикам, которые применяют старую упаковку, чтобы немедленно оставили её и переходили на новый способ.

Фёдор Иванович оторопело поглядел на своего начальника и отошёл.

— А под чью ответственность? — спросил он уже со своего места.

— Под вашу,— спокойно ответил Петров. — Вы ведь у нас специалист по таре. И к тому же единственный во всём учреждении. Ваше слово и решающее.

Фёдор Иванович вздохнул и покорно принялся писать.

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ЛЕС» (в постановке Гастрольбюро)

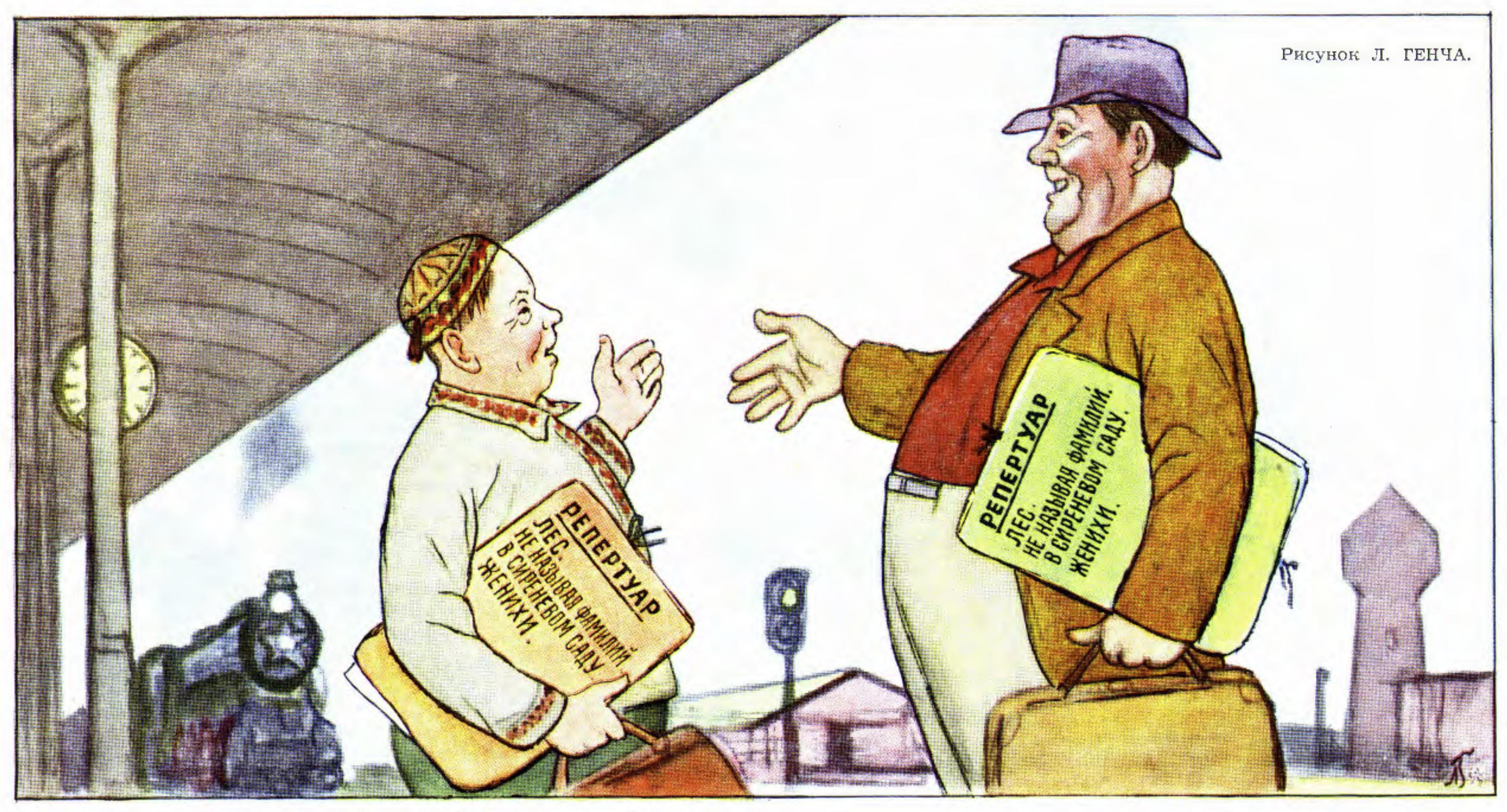

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Куда и откуда!
— Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с!
— Из Керчи в Вологду...

ПРЕСТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

С главным инженером Главстроймеханизации Министерства городского и сельского строительства РСФСР Анатолием Ефимовичем Митрофанским недавно произошёл престранный и даже фантастический случай. После только что закончившегося трудного заседания он откинулся на спинку кресла и прикрыл ладонью глаза. Когда он отнял ладонь, глаза его расширились, главный инженер вздрогнул и испуганно вскочил с места: он сидел не в своём привычном кабинете, а в каком-то чужом, незнакомом.

«Что за мистификация?! — возмутился тов. Митрофанский и нажал кнопку звонка.

В дверях появилась секретарша, тоже совершенно ему незнакомая.

— Где я? — хрипло спросил Анатолий Ефимович.

— У себя,— ответила секретарша,— в своём кабинете, товарищ директор Вологодского завода строительных машин.

— Директор Вологодского завода? — удивился Анатолий Ефимович.— Странно! Здесь же директором этот... как его... Павлов! Где он?

— Павлов переведён в Москву, на ваше прежнее место.

Митрофанский схватился за голову.

— Чушь какая-то,— простонал он,— бред... абракадабра...

— В дремоте и не то ещё бывает,— усмехнулась секретарша.

— В дремоте? Значит, вы утверждаете, будто я дремлю на работе? — обиделся Анатолий Ефимович.— Ну, знаете... я не потерплю панибратства даже в дремоте. Идите!

Секретарша скрылась, но тут же опять просунула голову и доложила:

— Главный инженер на проводе.

Митрофанский снял трубку.

— Здравствуйте, товарищ Павлов! Ну вот, как говорится, капризом судьбы мы поменялись с вами ролями, хе-хе... Ну что же, поработаем на низовке. Так что вас интересует?

— Станки для изготовления шлакобетонных камней. Те самые, которые вы когда-то выколачивали из меня. Посылаю вам ещё десяток нарядов на них. Прошу обеспечить отгрузку.

Митрофанский сделал судорожную попытку улыбнуться.

— Дорогой мой, но ведь у меня нет на эту продукцию ни утверждённых чертежей, ни технических условий. Кому-кому, а вам это отлично известно. Даже в министерстве нет отработанного проекта этой машины.

— Ничего не знаю. Поскольку станки включены в вашу программу и план распределения таковых утверждён министерством, вы обязаны их изготовлять.

— Погодите минутку,— взмолился Митрофанский,— ведь ваши наряды, как говорится, бестоварные! У меня более ста жалоб от потребителей на недопоставку этих станков. А откуда я их возьму?

— Где хотите,— прозвучал бесстрастный ответ.

Митрофанский страдальчески сморщился, бессильно поник в кресле и, прикрыв ладонью глаза, принялся обдумывать текст гневного письма — жалобы на имя министра по поводу бюрократического отношения главка к такому важному делу, как производственное планирование.

— Ну, преподнесу я вам пилюлю, уважаемый товарищ Павлов! — злорадно воскликнул вслух Анатолий Ефимович, отнимая ладонь от лица, и... и снова глаза его расширились: он сидел, как и всегда, в своём кабинете главного инженера главка. Больно ущипнув себя и удостоверившись, что сейчас-то он вполне бодрствует, Анатолий Ефимович хотел было позвать секретаршу. Но она явилась сама и доложила:

— Из Вологды вас просят. Директор завода Павлов.

Глаза Митрофанского сверкнули недобрым огнём.

— Я вас слушаю, товарищ Павлов,— заговорил он,— здравствуйте! Что? Вы мне станки для изготовления шлакобетонных камней обеспечивайте! Учтите, что наряды на них мы продолжаем выдавать. Ничего не знаю! Поскольку они включены в программу, вы обязаны их изготовлять. Всё!

И главный инженер с весёлой усмешкой повесил трубку. А на Вологодский завод продолжали поступать письма с требованием выслать как можно скорее станки, которых не было и в помине.

Н. ЛАРИН

Рисунок М. МАЗРУХО.

Быль о рыбаке и рыбке, или... ...вот почему рыбка золотая.

БЛАНК: — Как нелепо устроен этот мир, герр Хойзингер! Русские проводят демобилизацию, а мы мечемся в поисках солдат...

Рисунок из газеты «Нейе Рейн цейтунг» (ФРГ)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ САПОГИ

Сапоги бывают хромовые, кирзовые, парусиновые, валяные. Водились в старину специальные сапоги-скороходы — обувь сказочных героев. Для обозначения беспардонного вранья и несусветной чепухи существуют сапоги всмятку. А в Андернахе, небольшом западногерманском городе, обнаружился недавно совершенно новый вид обуви — идеологические сапоги.

Что это такое?

Так как энциклопедии пока ещё не объяснили этого явления, придётся начать издалека.

Представьте себе наступающую армию. Сержанты в пижамах. На исходном рубеже, прежде чем ринуться в атаку, они проводят утреннюю зарядку под мелодичные звуки полкового оркестра. А когда они устремляются вперёд, за каждым по пятам бегут горничная с только что отглаженными носовыми платками и повар с пространным меню, вопрошающий:

— Чего изволите?

— Минуточку,— оборачивается сержант,— сейчас превратим в руины вон тот город, уничтожим парочку неприятельских дивизий и сядем обедать. Подадите закуску, какой-нибудь суп, индейку под белым соусом и бутылку мозельского. На десерт сойдет пломбир со свежезамороженной клубникой...

Разумеется, это более опереточно, чем похождения Фанфана-Тюльпана. Но примерно так, если верить посулам боннского военного ведомства, должна будет выглядеть новая западногерманская армия.

Именно для этой реваншистской армии спешно сколачивается в Андернахе командный скелет из старых гитлеровских служак, едва заштопавших дыры на штанах, и зеленых юнцов, с трудом постигающих «правая, левая где сторона». Однако формирование кадров командного состава для новой армии натыкается, как известно, на весьма существенное затруднение: подавляющая часть западногерманской молодёжи выражает своё отношение к военной службе в реваншистской армии короткой, но очень энергичной фразой: «Без нас!». Если сейчас в Западной Германии гитлеровским ветеранам разрешают носить железные кресты, то молодым немцам видится бесчисленное количество крестов берёзовых: историю не спрячешь даже в секретный сейф боннского военного министра Теодора Бланка.

В этих щекотливых условиях политике кнута, которая отложена на будущее, предпочтена политика пряника.

«Заманивать!» — вот новый лозунг военного министерства.

Недавно в Бонне был опубликован меморандум, который должен «обосновать» требования о введении воинской повинности. Мотивы «демократической обороны» (сапоги всмятку!), о которой не устают трубить откровенные жрецы милитаризма и реванша, в этом меморандуме звучат приглушённо. Авторы прекрасно понимают, что ни один разумный житель западной части Германии не поверит, будто Федеративной республике кто-то угрожает. На первый план вылезают мотивы обольщения райской жизнью в казармах. Если представить себе диалог между военным министерством и здравомыслящим немецким гражданином, он будет звучать так:

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО. На военной службе молодые немцы обретут дружбу на всю жизнь, узнают, что такое товарищество...

ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ ГРАЖДАНИН. Э-э, батенька, бросьте рассказывать сказки, знаем мы «товарищество» эсэсовцев!

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО. Армия улучшит здоровье народа: она даёт возможность систематически заниматься спортом...

ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ ГРАЖДАНИН. Знаем, знаем... Небольшой кросс под атомными бомбами, а? Футбольный матч по системе генерала Хойзингера? Лучше постройте стадионы и физкультурные залы, которых не хватает...

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО. В армии молодые люди постоянно находятся под врачебным контролем и получают лечебную помощь.

ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ ГРАЖДАНИН. Гм... Зачем мёртвому припарки? Лучше постройте достаточное количество клиник и больниц на те же деньги!

Диалог можно продолжить, и ехидные замечания здравомыслящего немецкого гражданина будут всё неотразимее. Впрочем, можно воспользоваться и монологом. Депутат от свободной демократической партии Менде заявил в бундестаге при обсуждении законопроекта о воинской повинности:

«Я уже почти представляю себе новый лозунг на вербовочных плакатах: «Иди в бундесвер, и ты останешься здоровым!». Этого не делал даже Геббельс».

Точно сказано.

Чтобы заманить, обольстить, соблазнить, военное министерство и попыталось устроить в Андернахе некое подобие рая в казарме.

Как сообщает швейцарская газета «Нейе цюрхер цейтунг», за будущими офицерами ухаживают горничные, обед в столовой подают официантки. Кроме военной формы, им выданы микропористые матрацы, пижамы, спортивные костюмы, носовые платки... Это очень похоже на один эпизод в фильме Уолтера Диснея «Пиноккио». Там заманивают дураков в райскую страну развлечений. Но пока на пороге этой страны они играют на бильярде и пьют даровое пиво, у них отрастают ослиные уши и башмаки превращаются в копыта. После этого новое пополнение любителей развлечений загоняется в стойло, а оттуда следует по соответствующему назначению...

Так-то вот.

Но вернёмся к новому роду обуви.

Всё хорошо в Андернахе, кроме обуви. В качестве элемента военной формы введено подобие американских ботинок на шнуровке. Однако новоиспечённые обер-лейтенанты раздражённо жалуются, что ботинки эти приводят к заболеванию лодыжек. Вот тебе и обещанная забота о здоровье!.. Военные из Андернаха, пишет «Нейе цюрхер цейтунг», «охотно заменили бы их старыми добрыми сапогами», но оказывается, что это «наталкивается на идеологические трудности». Какие? Слишком уж, видно, напоминает это Дон, Донец, Днепр и многое другое в этом роде...

Боннское военное министерство полагает, что оно создало рай в Андернахе. А не вернее ли будет сказать, что это лишь дешёвый маскарад?

Н. ГРИБАЧЕВ

ФРУКТЫ-МАРИОНЕТКИ

— И на юге вянут, и на север их не продвинешь!..

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

СЕВЕРНЫЙ ВЬЕТНАМ

НЕ ТА МУЗЫКА

В английском журнале «Экономист» появилась корреспонденция из Соединённых Штатов, посвящённая международной торговле.

Журнал сообщает, что председатель специальной сенатской подкомиссии по расследованиям Джон Макклеллан «страшно возмущён» развитием торговли между Советским Союзом и Англией. Он нервничает. Да и не только он. Оказывается, даже одни только «названия таких товаров, как горизонтальные балансировочные и вертикальные карусельные станки, звучат для американских политических деятелей чем-то вроде ругательств».

Зато какой ласкающей слух музыкой звучат для этих деятелей такие слова, как, например, «эмбарго», «торговые барьеры», «дискриминация», «стратегические товары»!..

Известно, однако, что широким торговым кругам Англии (да, кстати, и самих Соединённых Штатов) эта музыка уже изрядно надоела.

РАЗРЫВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ...

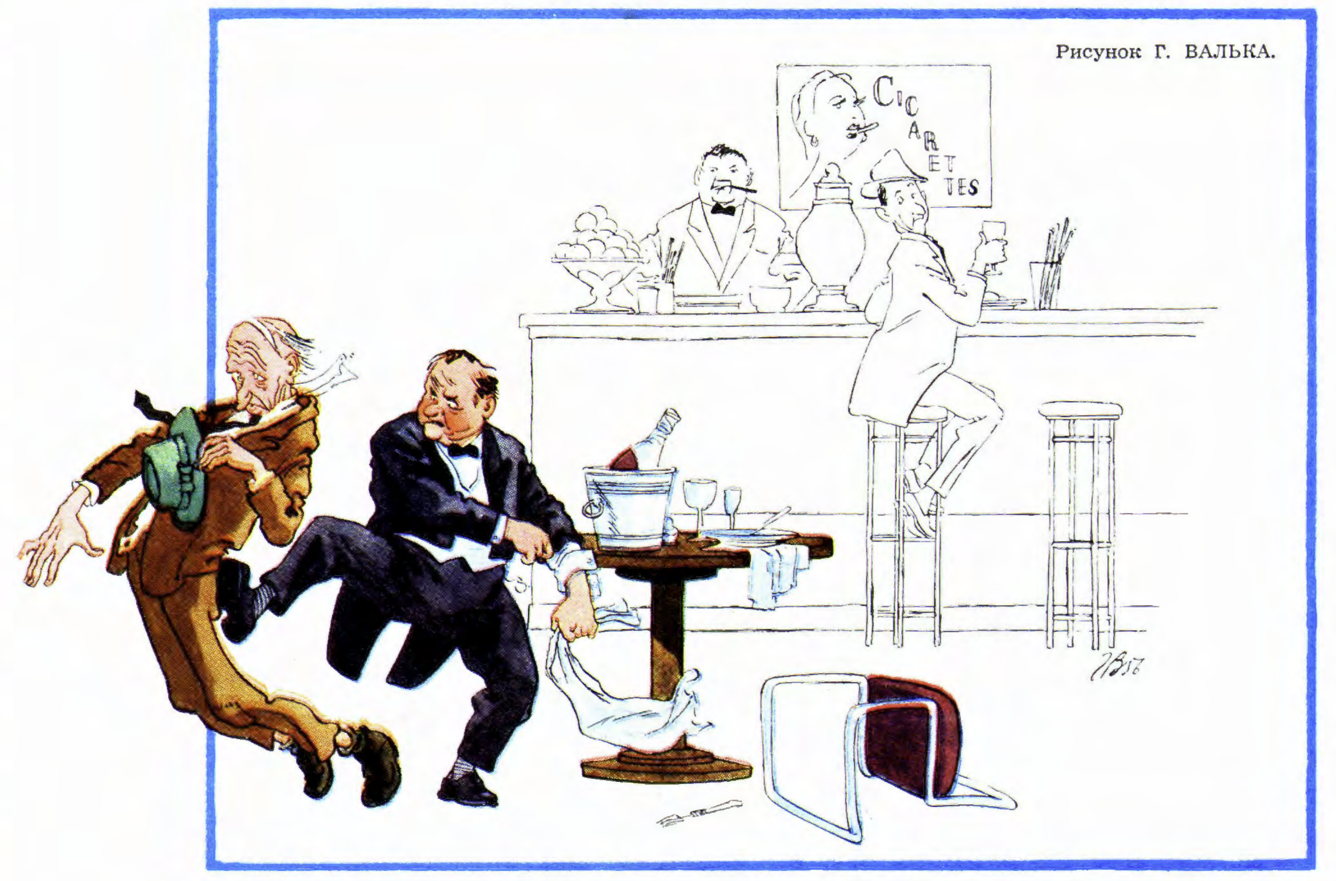

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

...между послом эмигрантского правительства и официантом на почве неуплаты по счёту.

ВОЕННЫЕ БАЗЫ НАТО

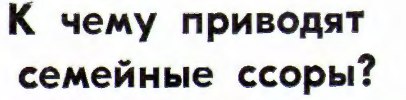
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СОКРАЩАЕТ СВОИ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА 1.200.000

КАРТА

В ШТАБЕ НАТО

— Никак не думал, что демобилизованные части могут нанести нам такой сокрушительный удар!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

К чему приводят семейные ссоры?

На этот вопрос коротко и ясно отвечает правый английский профсоюзный лидер Сэм Уотсон в газете «Дейли геральд». Вот что он пишет:

«Среди английских рабочих за последние двадцать лет часто возникало недовольство, а в периоды с января по март — даже трения политического характера. Возможно, рабочим что-то не нравилось дома, и своё недовольство они приносили с собой на заводы и шахты. Можно допустить также, что рабочих раздражали их жёны, которым портила настроение мысль о большой весенней уборке. Рабочие стремились выместить на ком-то свою злость, и, пожалуйста,— вспыхивала забастовка».

Английским трудящимся остаётся только поблагодарить Сэма Уотсона за столь исчерпывающий анализ причин классовой борьбы.

НА КОММЕРЧЕСКИЕ ТЕМЫ

Новости свободного рынка

В одном из последних номеров немецкого сатирического журнала «Ойленшпигель» появилась такая заметка:

«Как доказал депутат боннского бундестага доктор Арндт, перед падением христианско-демократического правительства Арнольда в земле Северный Рейн — Вестфалия христианско-демократический союз предлагал различным депутатам крупные денежные суммы, если они будут голосовать не против Арнольда, а за него. Например, депутат ландтага Вольфрам Дорн должен был получить 100 тысяч марок, другие же депутаты — по 60 тысяч марок».

«Как видим,— пишет «Ойленшпигель»,— в оценке голосов допущена вопиющая несправедливость. Надо бы боннскому комитету по наблюдению за ценами энергично вмешаться и установить единые цены!»

Отклик на это критическое замечание последовал немедленный, хотя и несколько неожиданный. Из Дюссельдорфа пришло такое сообщение: «Главный прокурор земли Северный Рейн — Вестфалия объявил, что подкуп парламентариев отныне не считается наказуемым деянием».

Вот теперь, кажется, всё в порядке. Парламентарии могут пользоваться всеми благами свободного рынка, воздавая благодарность великодушному прокурору. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле парламентарии весьма недовольны. Раньше, когда голоса продавались из-под полы, дополнительно взималась, так сказать, плата за страх. А теперь, выходит, никакого страха нет. На языке свободного рынка это называется «сбивать цену». Ну, а за это, как известно, спасибо не говорят!

И, наконец, ещё одно любопытное сообщение: боннскому военному министерству выделено 1,8 миллиона марок на вербовку в армию с помощью объявлений, брошюр, лекций, фильмов, а также на «вербовку через редакционную часть».

Что такое «вербовка через редакционную часть», никто в ФРГ в точности не знает. Лишь газета «Гамбургер моргенпост» здраво рассудила, что это просто означает «намерение подкупать журналистов».

Здесь как будто всё ясно. Непонятно лишь, зачем нужно было обыкновенные взятки маскировать таким туманным термином? Неужели на свободном рынке покупать журналистские перья считается более зазорным, чем голоса парламентариев?

В. БОЕВ

Среди бывших и битых

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Проживающий в Калифорнии (США) А. Ф. Керенский подготовляет в институте Гувера документы о своём пребывании во Временном правительстве.

Он посвятил досуг труду
(Ему субсидии назначены):
«О том, как в памятном году
Я улепётывал из Гатчины».

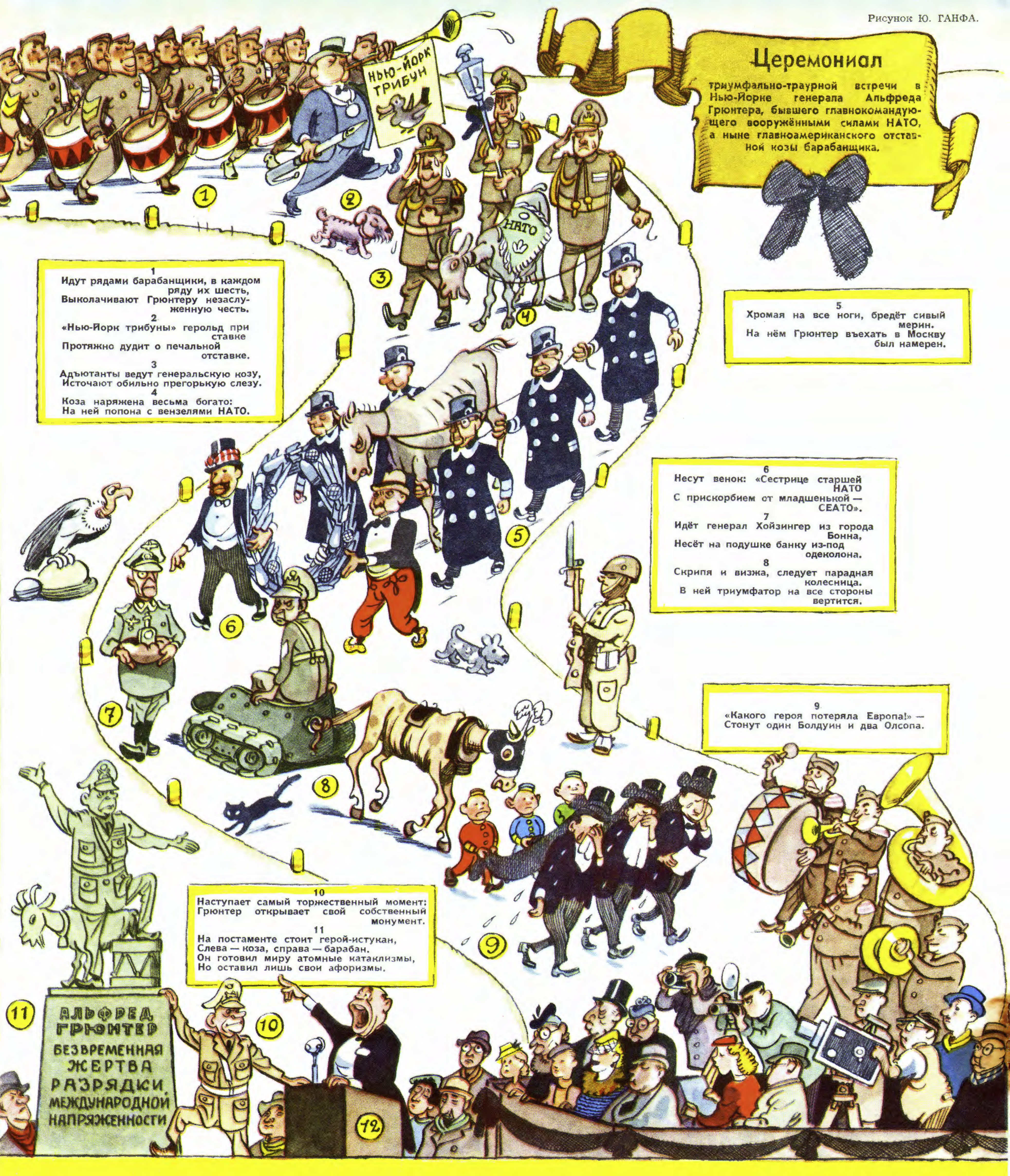
Сбежав под крики «Наших бьют!»,
Он здесь, в Америке на жительстве,
Решил осмыслить свой дебют
В Недолговременном правительстве.

КОММИВОЯЖЕР МИКОЛАЙЧИК

Недавно Миколайчик выступил в Дании с очередной клеветой на демократическую Польшу и Советский Союз.

То в Америке, то в Дании,
В постоянном ожидании,
Днём и ночью, в дождь и в зной
Слёзно просит о внимании
Пребывающий в изгнании
Прогоревшей гоп-компании
Представитель разъездной.

Эмиль КРОТКИЙ

На левой стороне постамента высечены слова: «Политика «улыбок сосуществования» несёт с собой опасность ослабления понимания военной готовности НАТО» (Альфред Грюнтер).

На правой стороне постамента: «Сейчас страх заменён кампанией улыбок, которая затрудняет достижение полной поддержки НАТО» (Альфред Грюнтер).

12

Ставши в позу у подножия монумента,
Выступает оратор от госдепартамента:

— Совершилась крупная историческая ошибка:
Грюнтера сразила не пуля, а улыбка.
Как же нам, американцам, разоружаться,
Если русские не перестанут улыбаться!

До чего ж основы НАТО стали зыбки,
Если падают её вояки от улыбки!

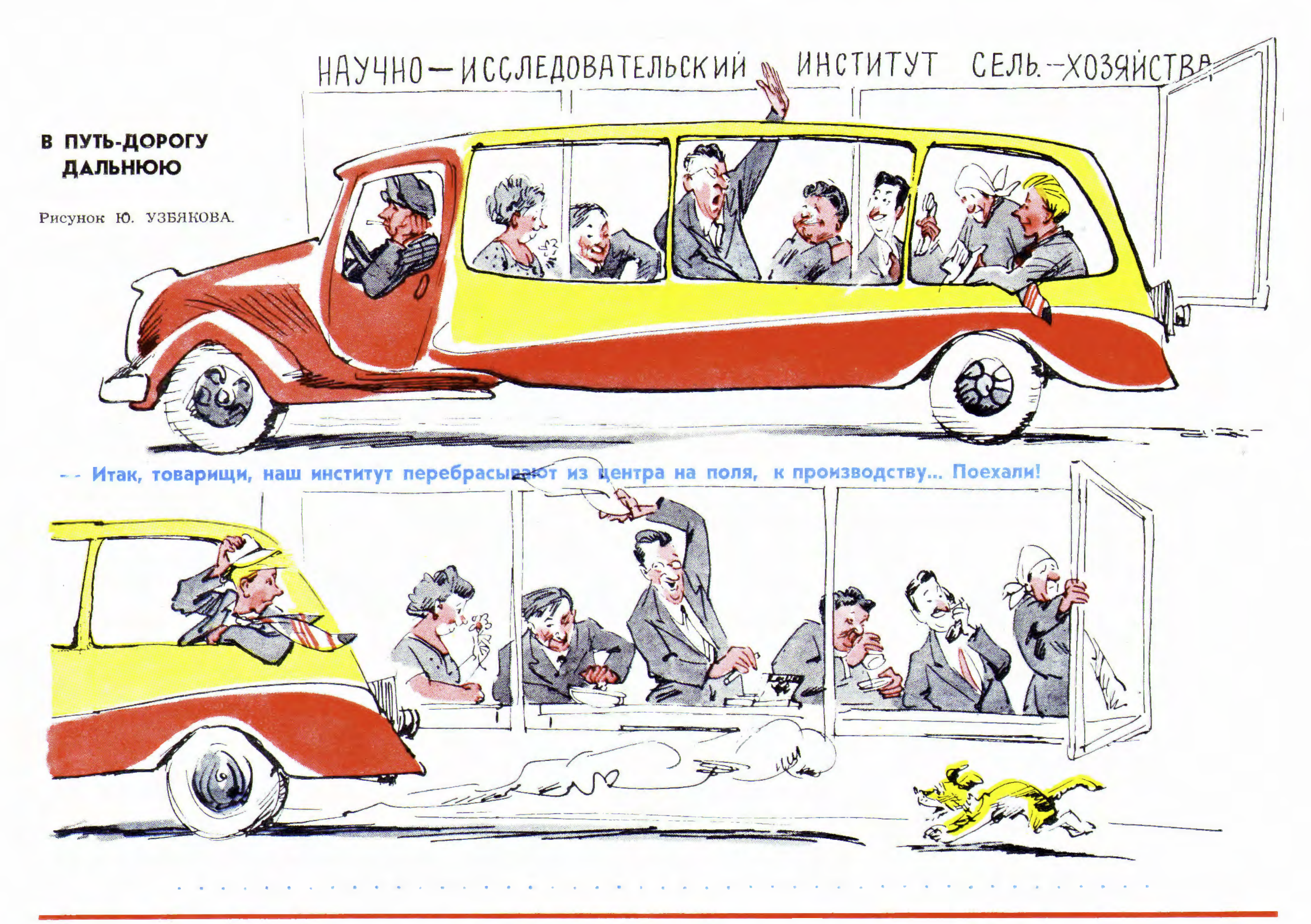
ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА:

Сие урок всякому воинственному мужу:
Копая миру яму, не садись сам в лужу!

С помощью Козьмы Пруткова перевёл МакАндрон.

В ПУТЬ-ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— Итак, товарищи, наш институт перебрасывают из центра на поля, к производству... Поехали!

РАЙ В ПОТРЕБСОЮЗЕ

Из Новгорода в Любытино по особо важным делам спешно выехал начальник продовольственного отдела Облпотребсоюза Евгений Семёнович Жуковский. Его суровое лицо и глаза выражали нетерпение и напряжённую работу мысли.

«Небось, сидят сейчас себе преспокойно да чаи душистые распивают, голубчики! — ехидничал он, сидя в купе вагона.— Не знают, что скоро нагрянет Жуковский. И отлично! Явлюсь, как с неба свалюсь. То-то будет переполох — прямо пожар на свадьбе!..

Этак завалить годовой план по товарообороту! — возмущался он.— Не освоили даже доброй половины годового плана по закупкам и заготовкам товаров. Вот как работаем!

Хищений-то! Растрат-то! Перерасходов-то!.. В дрожь прямо бросает. На сотни тысяч рублей! — перебирал он в разгорячённой голове факт за фактом.— Или вот, уж совсем наглость.— Жуковский брезгливо поморщился.— Двадцать тысяч рублей переврали с покупателей за яблоки! Смелость, скажу прямо, цирковая!..

И с шифером ловко «смекнули»: 1 400 листов из непродажного колхозного фонда пустили перекупщикам на сторону. Вот мошенники!»

Пока Евгений Семёнович Жуковский изливал своё негодование, деятели Любытинского райпотребсоюза перекликались из своих кабинетов.

— Ну как? — спрашивал председатель Овчинников.

— Подъезжает к станции Зарубино! — отвечал завторг Лейдер.

— Страшно! — судорожно передёрнулся бухгалтер Паршин.— Едет с особым предписанием. Значит, разносить! А тут, как на грех, районная конференция уполномоченных пайщиков. Надо быстрее момент ловить.

— Какой момент?

— А вот какой: приедет, журить будет — молчи, ругать будет — молчи, распекать будет — паче молчи. Когда весь жар схлынет, тут и сказать можно: «Вам, Евгений Семёнович, с дороги отдохнуть бы сначала. Наверное, проголодались и устали». Если он ответит: «Кто же в дороге не устаёт?»,— это и будет удобный момент. Тут уж не зевай.

Жуковского заговорщики встретили как бы невзначай, мимоходом.

— Ба, Евгений Семёнович! — радостно закричали они.— И не стыдно, дорогой? Едете к нам, а мы о том ни сном, ни духом не ведаем. Норовите всё крадучись да внезапно лису за хвост схватить! А мы вот на обед в чайную идём. Милости просим с нами за компанию!

Евгений Семёнович махнул рукой.

— Благодарю! Сыт по горло,— сказал он жёстким голосом.

Но любытинцы не сдавались. Обступив Евгения Семёновича дружным кольцом, они всё говорили да говорили, а между тем незаметно теснили да теснили Жуковского к чайной, пока из открытых дверей её не пришли на помощь им самые соблазнительные запахи.

И, представьте, прав оказался Паршин! Плыла, плыла новгородская щука в любытинскую заводь с благим намерением порядки навести, но встретила приманку и... не одолев искушения, клюнула.

Спустя час Жуковский, ухмыляясь, говорил своим собутыльникам:

— А вы того... ничего ребяты... Вас ругать, что ли, собираются на конференции? Ну, это мы поглядим ещё!

— Выручайте, Евгений Семёнович! — дружным хором попросили любытинцы.

Подошёл день конференции. Уполномоченные пайщиков прямо смертным огнём начали палить в членов своего правления. Того и гляди, вот-вот наповал всех срежут. Наконец Евгению Семёновичу подошла очередь говорить. Вышел он на трибуну, а как начать речь, не знает. То факты злоупотреблений вспомнятся, то чайная. И звон бокалов...

— Товарищи! — начал он неопределённым голосом.— Возможно, члены правления Любытинского райпотребсоюза обижаются на нас. Скажут: «Ругать все больно мастера, а пожалеть, так каждый — мачеха».— И вдруг переключился на резкий тон: — А я скажу, что нечего обижаться им. Правильно их ругают! Есть за что! Вот, к примеру, выступал здесь товарищ Тимофеев или другой товарищ — Пушко... О чём говорят их выступления?..

«Вот так клюква!» — обомлели Овчинников, Лейдер, Паршин и Некрасов — директор Райзаготконторы. Но...

— Стало быть, товарищи,— всё тем же резким тоном продолжал Жуковский,— признать работу Любытинского райпотребсоюза мы не можем... отличной. Тут у президиума есть мнение,— Евгений Семёнович сделал жест рукой в сторону президиума, где сидел, между прочим, секретарь райкома партии Соколов,— работу правления признать целиком и полностью только удовлетворительной. Есть ещё одно соображение: товарищей Овчинникова, Лейдера, Паршина и Некрасова премировать денежными суммами. Я, как представитель Облпотребсоюза, поддерживаю и одобряю это мнение президиума. Думаю, что и вы одобрите его.

Уполномоченные пожали недоуменно плечами, помялись, однако одобрили. «Знать, президиуму и Облпотребсоюзу с горы виднее, может, мы недопонимаем чего»,— рассуждали они, сбитые с панталыку.

Вечером после конференции Жуковский прощался со своими любытинскими друзьями опять в чайной. Осчастливленные неожиданными премиями, любытинцы умилённо говорили ему:

— Пожили бы у нас ещё, Евгений Семёнович!

Но Жуковский вдруг недоброжелательно нахмурился:

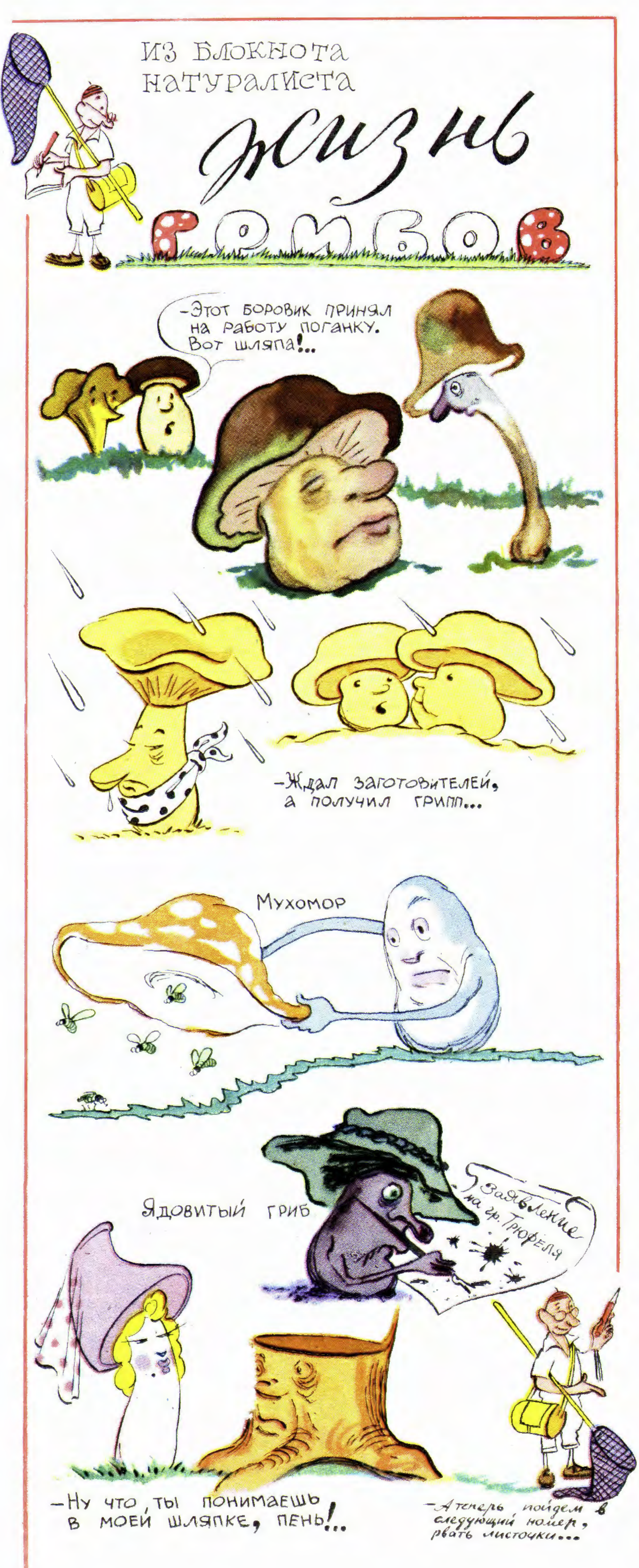
— Совсем хотите из меня своего сделать? Не выйдет! Подитека вы, право, к богу в рай от меня.

Овчинников, Лейдер, Паршин и Некрасов охотно повиновались начальству. Пошли в рай. Но не к богу, а в свой — потребсоюзовский. Потому что неизвестно, как там у бога, а тут уже дело испытанное: что ни натвори — всё с рук сходит, даже премии дают. Главное, чтобы представители от Облпотребсоюза приезжали такие строгие и принципиальные, как Евгений Семёнович Жуковский.

В. ФРОЛОВ

ст. Любытино, Новгородской области.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Р. САРЦЕВИЧ

На полный ход

К восьми часам все на местах. И вот
Сирена заводская прогудела.
Пора включать станки на полный ход,
Но тут такое приключилось дело...

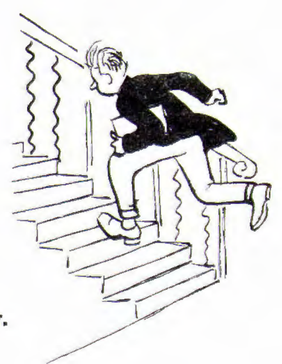
Начальник цеха вызвал мастеров.
Они к нему пожаловали дружно.
Начальник озабочен и суров:
— Цех отстаёт. Поэтому нам нужно...

И только стал распространяться он,
Взяв мастеров за срывы в проработку,
Как зазвонил некстати телефон:
«Немедленно к директору на сводку».

— Меня он долго не задержит там.
Вы подождите моего прихода.
Когда вернусь, задание вам дам.
И полетел к директору завода.

Влетел, притих. Директор распалён.
Сейчас начнётся грозная заправка.
Но тут опять вмешался телефон:
«Вас требует к себе начальник главка».

Начальник главка энергичен был,
Мог отпустить директора он быстро.
Но секретарь вошёл и доложил:
— Пал Палыч, к заместителю министра.

Прервав на полуслове инструктаж,
Не чувствуя усталости и лени,
Пал Палыч на двенадцатый этаж
Бежал галопом через три ступени.

Вбежал, застыл, как в знойный полдень лист.
И только приготовился к разносу,
Как замминистра вызвал сам министр
По этому же самому вопросу.

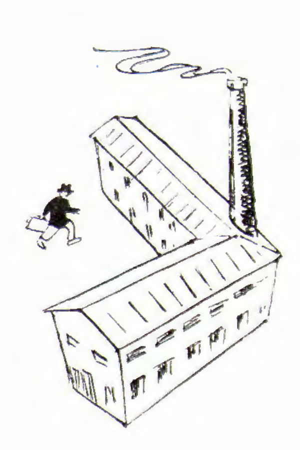

В конце концов разнос был учинён,
Фундамент был заложен под программу.
Министр понизил в разговоре тон
И подал знак, чтоб удалиться заму.

Вернулся зам за свой дубовый стол —
Пал Палычу дарована свобода.
Начальник главка в кабинет пришёл
И отпустил директора завода.

Гудит мотор. Машина мчит вовсю.
По сторонам мелькают скверы, зданья.
Приехав в резиденцию свою,
Директор дал начальнику заданье.

Вернулся тот в свой кабинет, а там
Сидят, дымят, рассказывают сказки.
Начальник дал заданье мастерам
И отпустил их на свои участки.

У мастеров стратегия проста.
Чтоб срочно сделать нужные детали,
Вернувшись на рабочие места,
Они собрали всех в кружок и стали

Людей энтузиазмом заряжать:
— Давай-ка поднажмём сильней, ребята!
Сейчас нам нужно крепенько нажать!
Но нажимать-то было поздновато.

Пробило пять. И в этот же момент
Взревел гудок, наполнив гулом зданье.
Рабочие убрали инструмент,
Умылись и сказали:
— До свиданья.

РАСЦЕНКИ И НАЦЕНКИ

Замелькали дома районного центра Карачева, Брянской области. Телега со скрипом остановилась у порога артели «Кожпошивпром». Путники гурьбой вошли в кабинет председателя Ивана Николаевича Акимцева.

— Читайте! — без предисловий протянул ему бумажку заместитель председателя колхоза имени Тельмана тов. Пузырёв.— «Получить с колхоза имени Тельмана за ремонт тридцати хомутов 3 050 рублей». А новый хомут в магазине, с гужами и супонью, всего 104 рубля стоит. Должно быть, в счётик ваш лишний ноль по ошибке затесался!

— Одну минуту! Мария Петровна, покличьте ко мне мастера шорного цеха.

Средних лет труженик шила и дратвы незамедлительно появился на пороге.

— Сколько у нас ремонт хомута по расценке стоит? — осведомился Акимцев.

— Ремонт ремонту — рознь. Ежели перевязать только, рубликов девять. А супонь если ещё ставить — и все двадцать набежать могут,— ответил мастер.

Лица колхозников просветлели. Но, увы! Просветление оказалось преждевременным. Акимцев вызвал бухгалтера, и тот веско разъяснил, что, кроме расценок, есть ещё и наценки. Восьмерых конторских работников содержать надо? Надо! Отчисления, процентиков двести — триста к стоимости работ облпромсоюзу и другим вышестоящим организациям платить нужно? Нужно! Так что нолик на месте.

— Мы не какая-нибудь шарашкина контора,— глубокомысленно заключил бухгалтер,— всё делаем, как положено...

Посланцы несолоно хлебавши уселись в телегу, думая невесёлую думу о долговом хомуте, в который они так неосторожно залезли.

Крокодил помог

В № 4 журнала «Крокодил» за 1956 год в заметке «Обманутые надежды» говорилось о том, что магазин № 5 Хакторга (г. Абакан) продавал необходимые учащимся готовальни, авторучки и логарифмические линейки только при условии покупки других, ненужных школьникам предметов.

Заметка обсуждалась исполкомом краевого Совета, исполкомом городского Совета и партийной организацией торга. За нарушение правил торговли директор магазина Колпакова и заведующая горторготделом Корабутова получили строгие предупреждения. Принудительный ассортимент запрещён.

●

В фельетоне «Долбня» («Крокодил» № 7) говорилось о заумных и начётнических методах преподавания землеустроительного проектирования в Воронежском сельскохозяйственном институте.

Фельетон обсуждался на расширенном заседании Учёного совета института совместно с представителями Министерства высшего образования. Работа кафедры землеустроительного проектирования признана неудовлетворительной. Перед руководством министерства поставлен вопрос об освобождении профессора Редькина от заведования кафедрой.

●

В колхозе «Червона зирка», Черкасской области, трудовая дисциплина находилась на низком уровне. Многие колхозники не принимали участия в работе своего колхоза и вместо этого брали частные подряды в других колхозах. Об этом рассказывалось в фельетоне «Бородатые дети» («Крокодил» № 8).

Вопрос о положении в колхозе «Червона зирка» обсуждался на общем собрании колхозников и на совещании сельского и колхозного актива. Решением общего собрания тов. Росщепий от руководства колхозом отстранён. Председателем колхоза избран тридцатитысячник тов. Каданцев. Колхозники, уклонявшиеся от работы в колхозе, из членов сельхозартели исключены.

В настоящее время из 196 человек, самовольно покинувших колхоз, вернулись обратно и приступили к работе 149 человек.

СГОРЕЛ НА РАБОТЕ

Рисунок Б. ЧИЖИКОВА.

— Кого это господь прибрал!
— Затейника. От скуки помер.

Печальный случай с ивой плакучей

Как-то лирик, бывший
Много лет в прорыве,
Дал стихи журналу
О плакучей иве.

Как она склонилась
В красоте печальной,
Как она всё плачет
Над водой зеркальной...

Закричал редактор:
— Что всё это значит?!
Почему, скажите,
Ваша ива плачет?

Выглядит картина
Неоптимистично.
В наше время плакать —
Это нетипично!

Где такую иву
В жизни вы встречали?
Не было печали —
Черти накачали!

Нам нужны, конечно,
Строки о природе.
Но в ином разрезе,
Но не в этом роде.

И редактор сделал
В тех стихах пометки:
Взял он и подрезал
Ивушкины ветки!

Чтобы наконец-то
Ива распрямилась,
Чтобы над водою
Грустно не клонилась!

Обкорнал он иву...
В благородном рвенье,
И она предстала
В новом отраженье.

Только ива с горя
Пуще разрыдалась...
И плакучей ивой
Всё равно осталась!

А. КОСТОВЕЦКИЙ

Киев.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

В учреждениях требуют от граждан большое количество разных справок.

— Мне бы справку о том, что у меня есть дети.
— А у вас есть справка, что вы их мать!..

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

ВЫПОЛНИМ ПЛАН СТРОИТЕЛЬСТВА!

ОЗЕЛЕНИМ НАШИ ГОРОДА!

НЕ НАРУШАЙ ПРАВИЛ УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ!

ВЫРАСТИМ ОТЛИЧНУЮ КУКУРУЗУ!

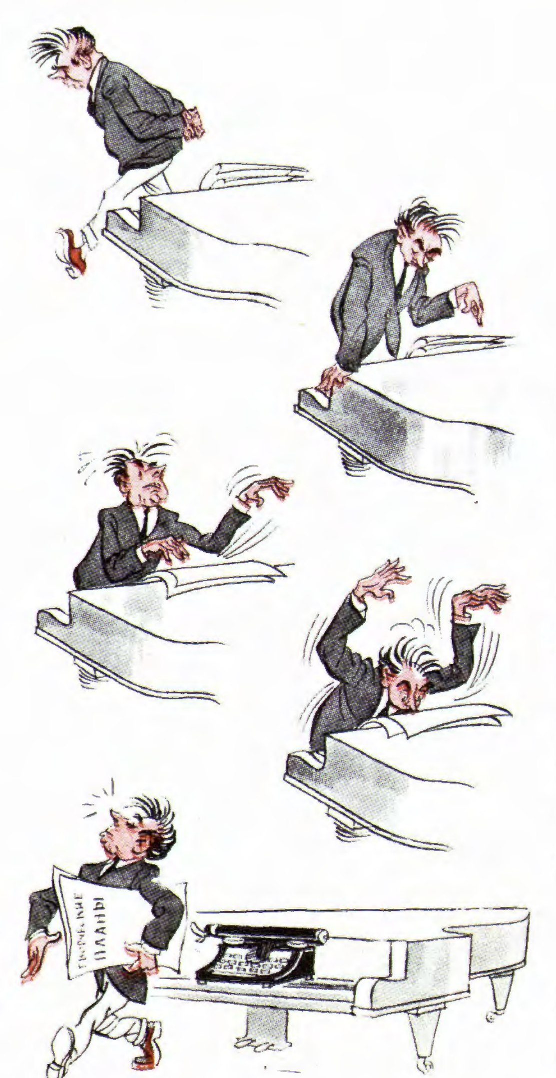
ЗАНИМАЙТЕСЬ СПОРТОМ!

СОБЕРЕМ УРОЖАЙ БЕЗ ПОТЕРЬ!

ВЫШЕ КАЧЕСТВО!

— Мы с вами где-то встречались!
— В Изогизе...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Минута вдохновения композитора.

СПОРТИВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Потерять можно разные вещи. Например, часы, носовой платок, деньги... Всё это явления обыденные, заурядные: мало ли людей рассеянных!

А вот работники Холмского горисполкома, Сахалинской области, обнаружили пропажу так действительно пропажу! В одно прекрасное утро они убедились в том, что в городе пропала... половина стадиона. Того самого стадиона, который по настоянию горсовета построили на самой высокой сопке Холмска вместо того, чтобы выбрать для него более подходящее место. И вот первый же дождь взял да и слизнул полстадиона вместе с футбольными воротами и вратарской площадкой: уехали они куда-то вниз по склону горы...

Интересно, как представляют себе работники горисполкома грядущие соревнования на холмском стадионе? Неужели в единственных воротах теперь будут стоять два вратаря, а двадцати футболистам придется забивать мяч в одни ворота?!

Видимо, в горисполкоме относятся к подобной спортивной перспективе довольно спокойно.

ЛЁГКОСТЬ НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Получив свежий номер районной газеты «Ленинский путь», которая издаётся в городе Тихорецке, Краснодарского края, подписчик слегка бледнеет. Не то чтобы он был очень рад номеру или, наоборот, сильно огорчён, нет! Его несколько смущают странные взаимоотношения, сложившиеся у редактора Г. Дзекуна с реальной действительностью.

Номера газеты пестрят заметками такого рода:

«Обвинения, предъявленные т. З., что она является спекулянткой и проходимкой, не соответствуют действительности.

Редакция газеты «Ленинский путь» признаёт свою ошибку в том, что она опубликовала заметку без достаточной проверки фактов, которые не нашли своего подтверждения».

Или:

«Автор статьи т. Польшин не прав, указывая, что руководитель технических занятий т. Б. без достаточной подготовки проводит занятия. Этот факт не соответствует действительности».

Завидная лёгкость!

Вот почему читатели с некоторой опаской берут в руки очередной номер. Никто из них не гарантирован от газетных неожиданностей, когда редакция работает по принципу: «Бей, не робей; потом разберёмся, кто прав, кто виноват!..»

СКАЗОЧНЫЕ ТРУДНОСТИ

Помните, как закручинился Иванушка, когда царь приказал ему за одну ночь построить летающий корабль? Это было в сказке. А в жизни бывают задачки и потруднее. Заместитель министра путей сообщения тов. Гарнык телеграфно приказал работникам локомотивной службы Свердловской железной дороги передать Красноуральскому химическому заводу паровоз сроком до 1 апреля. Было от чего повесить буйную голову: телеграмма была получена 2 апреля, когда срок аренды уже безнадёжно истёк.

Не успели работники локомотивной службы придти в себя, как из министерства пришла другая телеграмма: представить к 5 апреля подробную заявку на заводской ремонт колёсных пар. А сама телеграмма была получена... вечером 5 апреля.

Иванушку из древней сказки ставили в тупик лишь три раза. Товарищам из Министерства путей сообщения незнакомо столь полезное чувство меры. Они часто нагоняют тоску на подчинённых невыполнимыми депешами, заставляя их ломать головы над вопросом: как можно с уважением относиться к приказам, которые составляются со сказочным пренебрежением к реальной жизни?

РАБКОРОВСКИЙ РЕЙД «КРОКОДИЛА» И «УРАЛЬСКОГО РАБОЧЕГО»

Пётр Петрович шагает по городу

Обстоятельства складывались как нельзя более благоприятно. Коренной житель Свердловска Пётр Петрович Верхисетский получил отпуск в одно время с супругой своей Марьей Васильевной. От дочки с зятем поступило приглашение отдохнуть у них, под Сысертью. Семейный совет постановил: а) приглашение принять, б) в путь-дорогу двинуться через неделю и в) до того привести в порядок всякие хозяйственные дела.

Пётр Петрович составил при ближайшем участии Марьи Васильевны список самого необходимого и вышел в город.

ЭТИ СДЕЛАЮТ!..

— Вы квартиры ремонтируете? — спросил Пётр Петрович у руководителя ремстройконторы Молотовского района тов. Золотина.

— А вы что задумали? — спросил тов. Золотин.

— Обои сменить.

— Ещё?

— Потолок побелить.

— Всё?

— Хотелось бы ещё полы покрасить и стекло в окошке вставить. Ребятишки во дворе мячик гоняли, вот и...

— Нас, гражданин, ваши внутридворовые дела не интересуют. Мы от частных лиц заказов не принимаем. А вот посоветовать можем: не бейте ног понапрасну! Того, чего вам хочется, во всём городе нет. Но, между прочим, тут у нас за углом опытные частники дежурят. Эти сделают! Конечно, если за ценой не постоите...

ТЕМПЫ «ТЕМПА»

— Придётся, значит, отложить,— вздохнула Марья Васильевна, выслушав доклад о неудавшейся ремонтной кампании.— Что у нас там дальше?

— Дальше записано: «Починить брюки и пиджак».

И Пётр Петрович отправился к дому № 19 по улице Шевченко. На вывеске значится: «Бытовой комбинат Сталинского района». Но никаких бытовых услуг там, оказывается, никому не предоставляют: перешли на «массовый пошив» по заказам различных организаций.

— Попробуйте обратиться в наши мастерские,— сказали в комбинате.— Первая — на улице Либкнехта. Вторая — на улице Свердлова.

Однако и на той и на другой улице нашему знакомцу сообщили в общем одно и то же:

— Починкой не занимаемся. Это — дело «Темпа».

И впрямь, на вывеске мастерской № 1 артели «Темп» точно обозначено: «Пошив и ремонт верхнего платья». Но, узнав, что речь идёт именно о ремонте, приёмщица предложила клиенту «договориться лично с закройщиком». А закройщик окинул Петра Петровича с ног до головы оценивающим взглядом и изрёк:

— В принципе — да. Но насчёт сроков ничего определённого сказать не можем. И вообще не понимаю, почему вы пришли именно к нам? Разве нельзя решить этот брючный вопрос в бане? Там, помнится, что-то шьют и порют. Заодно и помылись бы...

С ПОМЫВКОЙ!

Для любителей попариться нет в Свердловске дня тяжелее четверга: закрыты сразу две из четырёх городских бань. Правда, была ещё одна, но обветшала, и, чтобы не возиться с ремонтом, коммунальники уступили её медикам. Под вытрезвитель...

Банных швейников Пётр Петрович решил не утруждать (спасибо, раньше пробовал!), а вот попариться действительно следовало. Тем более, что дело было не в четверг. «Пройдусь,— думает,— по всем четырём, авось, где и подвезёт: постою пару часиков в очереди и попаду».

...В раздевалке бани на улице Куйбышева всё было, как всегда: грязь и духота, обшарпанные стены и грязные потолки с потёками. А вот в парильне обнаружилось новшество. Нет, веники не появились. Хоть город окружён берёзовыми рощами, этого помывочного приспособления в свердловских банях давно нет и не предвидится. Зато краны, которые раньше только протекали, теперь фонтанируют. С какого боку ни подойдёшь,— берегись!

Пётр Петрович начал было высказывать недовольство. Но мывшийся рядом работник Уральского научно-исследовательского института коммунального хозяйства вполне авторитетно разъяснил: кранов, импортируемых тысячами из Саратова, не хватает. А Свердловскому машиностроительному заводу Министерства коммунального хозяйства РСФСР этот сложный агрегат незнаком. И разработать его конструкцию в Свердловске некому...

Обогащённый новыми ценными познаниями, наш друг относительно благополучно, без существенных ожогов, домылся, вернулся в раздевалку и обнаружил, что его бельё, костюм, ботинки залиты водой. Пошёл было жаловаться директору, но с порога обратился вспять: в центре директорского кабинета стояла шайка для сбора потолочных вод...

...Нам хотелось от души поздравить Петра Петровича с лёгким паром. Но, поскольку парок дался ему нелегко, мы ограничились официальной формулой:

— С помывкой!

РАССКАЗ МАРЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ

— Помнишь, какой весёленький ситчик я себе на летнее платье припасла? А куда с ним ни приду — не берут. Где просто так, где с намёком: дорого, дескать, взять за пошивку ситцевого платья неудобно, а дёшево — расчёту нет. Отсылали меня из одной мастерской в другую, и дошла я таким путём до того самого «Темпа», откуда тебя закройщик в баню посылал. «Нельзя ли,— спрашиваю,— ситцевое платье сшить?» Поморщились, но отвечают: «Можно». «Сейчас,— спрашиваю,— примете?» А приёмщица сделала такие вот большие глаза и говорит: «Сразу видно, что вы порядков не знаете. Принимаем шесть заказов в день. Впуск — с одиннадцати до двух. Очередь — с шести утра. Срок исполнения — не меньше полутора месяцев...» Я так и ахнула. «Помилуйте,— говорю,— я это платье летом хочу носить». «Ну что ж,— говорит,— будущим летом поносите...»

— И после этого ты, конечно, сразу пошла домой?

— Ишь ты, какой шустрый! А кто же, по-твоему, белые туфли к «Красному обувщику» чинить носил? Кто к «Ударнику» с челноком швейной машинки обращался? Кто там же запасной ключ заказывал?

— И всего добилась? — обрадовался Пётр Петрович.— Молодчина!

— А ты погоди хвалить, сперва послушай. Туфли «Красный обувщик» берётся прошить только чёрным по белому. Для ремонта шпульки каких-то винтиков в «Ударнике» недостаёт. А для ключа — болванки...

ТУДА И ОТТУДА...

Когда окончательно выяснилось, что в центре города нельзя ни сшить что-нибудь к определённому сроку, ни починить, ни срочно плащ почистить, ни даже балалайку исправить, Пётр Петрович решил попытать счастья на окраине. Но едва дошёл до трамвайной остановки, навстречу ему житель заводского посёлка, старый приятель Сидор Сидорович. В каждой руке у него по сетчатой сумке, а в сумках — мясорубка, керосинка, примус, пара кастрюль...

— Ты зачем же это со всем скарбом сюда за пятнадцать километров притащился? — изумился Пётр Петрович.— Ведь у вас свой «Металлоремонт» был!

— Мало ли что было! Теперь от «Металлоремонта» только металлическая вывеска осталась. И вместо трёх сапожных мастерских — две, вместо трёх парикмахерских — одна...

— Опять незадача! — огорчился Пётр Петрович.— Куда же нам с тобой теперь податься? Разве что к железнодорожникам?

— На Сортировочную? — переспросил приятель.— И не думай! Там, брат, тоже ни замок починить, ни кастрюлю запаять, ни перо в авторучку вставить, ни бельё в стирку отдать... На что уж у них банька махонькая да плохонькая, так теперь ещё душевые установки сняты: нерентабельно, видишь ли. Вот и катают паровозники с вагонниками не хуже нашего за всякой мелочью в центр. А из центра...

...Когда человек с утра до вечера занят, время гечёт неприметно. Нельзя сказать, что Пётр Петрович провёл начало своего отпуска весело, но и скучать ему не пришлось. Свердловск — город большой, обнадёживающих вывесок много. Пока всюду побываешь и получишь где более, где менее вежливый отказ,— глядь, и неделя без толку пролетела.

Прощаясь с нами на вокзале, П. П. Верхисетский просил сообщить об этом председателю исполкома Свердловского городского совета И. И. Муравьёву, директору треста коммунальных предприятий А. И. Дубровину и председателю горпромсовета Б. Н. Сысоеву. И заодно выяснить: как они сами управляются со всякими бытовыми делами.

В. КОРИОНОВА, слушательница областной партийной школы, М. КОЧЕРОВА, сотрудница дорожной газеты, В. КУЗНЕЦОВ, инженер, А. МАГНИЦКИЙ, редактор заводской газеты, Л. ПРАСОВ, секретарь заводской газеты, Я. ХУТОРЯНСКИЙ, секретарь институтской газеты, Р. ЩЕРБАКОВ, редактор институтской газеты, И. ЕГАРМИН («Уральский рабочий»), С. ШЕВЕЛЕВ («Крокодил»).

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28/30. Тел. Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05786. Изд. № 535. Подписано к печати 9/VI 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1652. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Подготовка к уборке.